

Даниэль Бланга-Губбай

«Голоса (навстречу другим институтам)», выпуск 15

Кадр из видеоработы *«Мои хилые убеждения могут исцелить твои жалкие желания»*.
Предоставлен автором и галереей Джеймса Коэна (Нью-Йорк).

Куда деваются выставки

1. «Куда деваются программы и выставки, когда умирают?» – эту фразу я услышал во сне, незадолго до того, как проснулся. Я находился в лаборатории и болтал с приятельницей; она склонилась над микроскопом, пытаясь разглядеть вирус, и отвечала мне рассеянно, пока настраивала свой прибор. Сами по себе отмененные фестивали и выставки ее, возможно, и не волновали, но их посмертная судьба вызывала интерес. Я не был готов к такому повороту. Подобным вопросом задавался Холден Колфилд: «Куда деваются утки в Центральном парке, когда пруд замерзает?» Когда я проснулся, стояли последние числа марта. Зима подходила к концу, а на мою почту целый день сыпались письма с заголовками «отменен» и «перенесен».
2. Сон снова всплыл в памяти, стоило мне взяться за этот текст. А что, если тут применимо представление о

реинкарнации? И отмененные события не переносятся, а умирают и затем воскресают в новой, приспособленной для нового времени оболочке, которая никак не соотносится с прежней версией? Тогда Биеннале 2021 года станет неузнаваемой реинкарнацией выставки, скончавшейся в 2020-м; душой, переселившейся в новое тело. А вдруг сайт, который вы просматриваете, или строки, по которым пробегают ваши глаза, – тоже чьи-то реинкарнации, новые воплощения в новых языках и формах?

3. Реинкарнация подразумевает непостижимую гармонию между видимым и невидимым. Это невидимое странствие душ, которые время от времени возникают на виду, переселяясь в очередное тело. Все соответствующие ритуалы призваны лелеять и поддерживать незримую связь в цепи перерождений до тех пор, пока она себя не проявит в зримой форме. Это отчасти напоминает процесс создания художественного произведения: художник работает вне зависимости от зримого и привязанного к определенной точке во времени состояния мира в момент показа работы зрителю. Я часто размышлял об этом, пока события одно за другим отменялись из-за коронавируса, и все больше понимал, как важно поддерживать непрерывность и преемственность самой художественной работы, даже если мы лишены ее физического представления и присутствия. Возможно, роль института как раз в том и состоит, чтобы постоянно помнить о ценности невидимой жизни и считать своей основной задачей не событие показа, позволяющее поддерживать творческую работу в целом, а как раз поддержку творчества, которое время от времени может быть предъявлено. В отличие от неолиберальной парадигмы, стоящей за любым событием или показом, идея реинкарнации предполагает определенный зазор между событием и творчеством; институт в таком случае должен заботиться о душах в промежутках между их воплощениями.

4. В видеоработе 2017 года под названием «Мои хилые убеждения могут исцелить твои жалкие желания» (My Ailing Beliefs Can Cure Your Wretched Desires) вьетнамский художник Туан Эндрю Нгуен воображает диалог между душами вымерших животных, которые встречаются, еще не зная, в кого им дальше предстоит воплотиться. Солируют здесь голоса двух духов – последнего во Вьетнаме яванского носорога, загубленного охотниками за рогами, и черепахи. Они общаются как старые друзья и по мере смены кадров подвергают осуждению человечество с его жаждой изобилия и редкостей, рогов и панголинов, колоний и ископаемых, с сугубо человеческими представлениями об «открытиях». В мире, подчиненном человеку, душам животных приходится выбирать стратегию на будущее: пустить слух, что люди тоже перевоплощаются в животных, и тем самым вызвать эмпатию, или попросту волевым решением перевоплотиться в вирус и отомстить всему человечеству?
5. «Сейчас я блуждающий дух, застрявший между прошлым и будущим, пока не появится возможность двинуться дальше и перевоплотиться», – произносит в финале голос носорога. Возможно, именно в такой ситуации находятся сейчас институты, которые покинули свои прошлые оболочки и программы и готовятся перевоплотиться в новом, пока еще неизведанном виде. За время вынужденной паузы можно обдумать, чем именно им предстоит стать. Для выполнения этого мысленного упражнения следует мысленно перенестись в будущее и уже с его позиций осмыслять прошлое. Можно вообразить себе превращение в будущий музей вымершего прошлого, то есть нашего настоящего; в музей, объясняющий, что следовало предпринять во имя спасения; в место, где пестуют невидимую сущность, добиваясь равновесия между работой и показами, отказываясь от изобилия и редкости, передают слово носорогу, черепахе и даже самому зданию. Я вспоминаю павильон РФ, где не раз бывал, с его псевдорусским стилем, который по сути стал

перевоплощением минувшей эпохи в новом теле. Я засыпаю с мыслью о сближении времен, и мне снятся выставки и поездки 2021 года. Многие из них похожи одновременно на реинкарнации почивших в 2020-м и на предвосхищение реинкарнаций нашего далекого будущего.

Даниэль Бланга Губбай – куратор и исследователь из Брюсселя, один из руководителей Брюссельского фестиваля искусств (KFDA, Kunstenfestivaldesarts). В прошлом выступал как независимый куратор образовательных и художественных программ. В их числе – «Заря звука» на Международном фестивале современного театра Homo Novus в Риге (2019), «Может ли природа восстать?» на «Манифесте» в Палермо (2018), «Черный рынок» (Брюссель, 2016), «Школа исключений» (Сантарканджелло, 2016). Даниэль был одним из кураторов экспериментального фестиваля перформансов LiveWorks и возглавлял отделение искусств и хореографии (ISAC) в Королевской академии изящных искусств в Брюсселе. Он учился у Джорджо Агамбена в Архитектурном университете Венеции (IUAV), а аспирантуру оканчивал в университетах Палермо, Валенсии и Свободном университете Берлина. Его тексты публиковались в таких журналах, как South as a State of Mind (Афины), Mada Masr (Каир) и Performance Journal (Нью-Йорк). А вот неполный перечень его недавних лекций: «Политика совместного воображения» (Танжер, 2019), «Танец под прикрытием воображаемого ритма» (Шарджа, ОАЭ, 2018), «Движение как жизнь вне тела» (Нью-Йорк, 2018), «Познание непознаваемого» (Музей невозможных форм, Хельсинки, 2017), «Бессодержательные пророчества» (Американский университет в Бейруте).